

• 1 •

1991 год

11 февраля, понедельник

ФРГ, пригороды города Никкенхайм

22.30 (GMT+1)

За последние дни Мечик наделал столько ошибок, что их вполне могло хватить на всю жизнь. Жизнь, которая могла окончиться через считанные минуты. Как капли, что пролетали в темноте.

Он знал, на что идет. Знал, чем заканчиваются такие поступки и какую цену заплатили те, кто пошел на них. Об этом ему рассказывали подробно, с наглядными примерами. Он знал, но рискнул. Бросился очертя голову. Как неразумный мальчишка. Поддался глупому желанию сделать все самому. Сделать то, что от него никто не ждал. Сделать то, что категорически не имел права делать. В подобных ситуациях худшее — поспешить, не доложив, не получив разрешения. Ничем иным, как грубейшим нарушением, его поступок назвать нельзя. Что и будет сделано. Вместо благодарности. В лучшем случае, если удастся задуманное. А если авантюра провалится, его сочтут болваном, на которого зря потрачены силы и время. Хотя ему будет все равно, мертвым не стыдно.

Мечик запретил себе думать. Были заботы важнее: надо удерживать на дороге арендованный старенький «Фольксваген», которой норовил вильнуть в сторону. Фары с трудом пробивали светом потоки дождя. Дворники скрипели,

захлебываясь, и бесполезно металась по лобовому стеклу. Он ехал почти вслепую по дороге, жавшейся к черному лесу. Карта, разложенная на руле, комкалась и вертелась, как капризная девица. Тонкую красную ниточку шоссе он угадывал. Главное, не пропустить поворот на грунтовую дорогу.

Редкие машины слепили вспышками огненных шаров, пролетавших в дождевых каплях. Мечик сбросил скорость до двадцати километров, стараясь заметить просвет в стене леса. Машину восемьдесят шестого года выпуска потряхивало, но старичок честно цеплялся за асфальт. Три дня назад Мечик и подумать не мог, что нарушит все инструкции и правила, которые обязан соблюдать даже опытный сотрудник. Новичок — тем более.

...Год назад он прилетел из Аргентины в Западную Германию с паспортом гражданина Эквадора. Молодой человек двадцати лет с загорелой кожей, черными вьющимися волосами и открытой улыбкой искренне признался пограничнику, отвечая на вопрос о цели своей поездки. Молодой человек мечтал поступить в лучший в мире университет во Франкфурте и получить профессию инженера. Пограничник улыбнулся, сказал: «Добро пожаловать в Германию» и поставил въездной штамп. Будущий студент горячо поблагодарил, по-немецки он говорил неплохо, с чуть заметным южным акцентом, и растворился в толпе пассажиров, прошедших паспортный контроль.

В его планы после получения качественного образования входила женитьба на хорошей немецкой девушке, получение вида на жительство и гражданства одной из самых богатых европейских стран. Затем — размеренная жизнь настоящего бюргера, который честно зарабатывает, ездит в отпуск, растит детей, голосует на выборах за консервативный блок ХДС/ХСС, любит пиво, отмечает с друзьями Рождество и дни рождения, участвует в общественной жизни квартала. То есть может считаться уважаемым и надежным

членом общества. Мирным, тихим и незаметным. Заурядным немецким обывателем с испанской фамилией.

Настоящее имя юноши с эквадорским паспортом знали только несколько человек в Москве. Даже в Балаклаве он проходил обучение под чужим именем. А вот псевдоним, который будет во всех сообщениях, он выбрал сам перед началом долгой командировки. Его тоже знали только те, кому положено.

Мечик.

...Мечик ударил по тормозам. Показалось, что поворот проскочил. Сдав назад под визг колес, он понял, что ошибся, ночь запутала. В лесу была прогалина, но никак не поворот. По карте до него оставалось километра два. На темном шоссе карты кажутся не такими надежными. Машина дернулась и поехала сквозь дождь.

...Начало командировки сложилось удачно. Советский Союз еще держался, но как линкор, получивший пробоину ниже ватерлинии. Стальные заклепки болтались, из труб валил черный дым, корабль готов был пойти ко дну. Зрители на разных берегах ждали, когда монстр развалится на части. А вместе с ним Восточный блок, в котором сразу вспомнили, что, в общем-то, не хотели строить социализм, потому что в сердцах их теплились европейские капиталистические ценности. Европа бурлила и стряхивала с себя цепи коммунизма. ГДР вот-вот должна была пасть в объятия западной сестры, всех волновали глобальные политические процессы, а контрразведка НАТО пребывала в некотором удивлении от внезапного разгрома врага, который униженно просил гуманитарную помощь. Лучшее время, чтобы посеять семена, которые взойдут через несколько лет.

В падающем колоссе Союза оставались люди, которые не обращали внимания на политические игры, а продолжали делать свое дело. Они точно знали, что разведка будет всегда. Даже если бывшие враги внезапно станут друзьями,

а государство, которому они давали присягу, так радикально изменится.

...Поворот, который искал Мечик, выскочил неожиданно. Ночь опять хотела обмануть, но у нее ничего не вышло. Он вовремя затормозил, включил свет и проверил карту. Наверняка тот самый. Без дорожного знака. Грунтовая дорога до Рейна. Отбросив на заднее сиденье карту, Мечик выключил лампочку над головой, глянул, нет ли на встречной полосе машин, газанул и резко повернул налево. Машину тряхнуло на стыке шоссе с грунтовкой. Мечик сбросил скорость до минимума и двинулся, куда вела дорога. Дремучий лес оказался ухоженным парком маленького городка, растянувшегося вдоль Рейна.

...Те, кто подготовил Мечика для глубокого внедрения, умели делать свою работу. Всякий обыватель в любой стране мира знал о коварных шпионах КГБ, которыми пугали газеты и которых порою любил Джеймс Бонд. Если шпион был советским, то, конечно, из всесильного КГБ. Про КГБ знали все, кому не лень.

Лишь немногим специалистам холодной войны было известно, что советские шпионы могут быть еще из ГРУ, организации тогда почти неизвестной на международной арене. И только кадровые сотрудники спецслужб догадывались, что самого опасного врага надо ждать с другой стороны. Враг был тихий, незаметный, о нем практически ничего не было известно: у него не было ни предателей, ни перебежчиков. Потому что среди офицеров разведки Главного штаба Военно-морского флота СССР, или попросту Военно-морской разведки, не бывает предателей. Живых — наверняка. Мысль эту внедряли в сознание курсантов Центра подготовки с первой лекции.

...Грунтовку размыло, но колеса не буксовали. Мечик пробирался как мог тихо, озираясь по сторонам. Условленного знака — раздвоенную ель — он не заметил. Дорога свернула вправо, невдалеке показался мостик, перекинутый

через безымянную речушку, впадающую в великий Рейн. Мечик выключил мотор и погасил фары. Вылез наружу, прикрыв дверцу. Дождь шлепал по голым веткам, по сырой земле, по мелким лужам, пробирался за воротник, мочил брючины, легкие ботинки хлюпали. Дул пронизывающий ветер. Мечик не замечал холода, всматривался и прислушивался. Кажется, он был один.

Приехать и оказаться одному было вариантом худшим из худших, гораздо худшим, чем пуля в лоб. Тот, кто назначил встречу, мог передумать. Или совсем не собирался приезжать. Причины не важны, важен результат: операция, подготовленная в спешке и в одиночку, провалена, даже не начавшись. Это значит, что ему нельзя возвращаться во Франкфурт-на-Майне, а надо бежать прямо отсюда. Уничтожив не только свое внедрение, но и работу всех, кто его готовил.

Он посмотрел на часы, светившиеся фосфорными цифрами. До назначенного времени оставалось не более минуты. Быть может, он зря занервничал. Все идет по плану. По его плану. Не замечая струек, стекающих по лицу, Мечик вглядывался в чернеющий парк и мостик, который надо перейти. Он сверился с циферблатом. Секундная стрелка выскочила вперед. Мечик был спокоен. Ничего больше не оставалось.

...Кандидатов для Военно-морской разведки подбирали тщательно. Отсев был строжайший. Мальчики попадали в поле зрения кадровиков в Нахимовском училище. За ними наблюдали и дальше: как они учатся в высшем учебном заведении ВМФ, как служат молодыми офицерами на флоте. Большая часть курсантов была из семей потомственных моряков. Их отцы, деды, а у некоторых и прадеды были проверены войнами, которые вела Россия с конца XIX века. Многие погибали, но никто не был предателем. Преданность у курсантов была в крови. Что было основой неуз-

вимости Военно-морской разведки. К этому добавлялась особая подготовка.

Выпускник Центра не только владел специальными навыками разведчика, знал несколько языков, мог в одиночку действовать на суше, на воде, под водой и в горах, владел приемами рукопашного боя с ножом и без ножа, стрелял из всех видов оружия, но и самое главное: умел скрываться под личиной обывателя. А еще курсантов обучали анализировать, замечать мелкие детали, делать правильные выводы и предвидеть события. Учили всему, без чего работа разведчика глубокого внедрения бесполезна. Ошибки и провалы они изучали на примерах коллег из КГБ и ГРУ. Чтобы не повторять горький опыт.

...Опоздание больше минуты. Мечик засчитал себе еще ошибку: не продумал, что будет делать в такой ситуации. Такую ситуацию он просто не брал в расчет. Зато другие ошибки прекрасно знал, потому что совершил осознанно.

Сосед по студенческому общежитию со смехом рассказал, что американцы совсем обленились: вербуют в открытую. Ходят по студенческому городку и предлагают работу с хорошим заработком. Некоторые соглашаются. Он сам видел, как вербовщик говорил с парнями, кажется, из Франции и Бельгии. Мечик повеселился над глупостью янки и попросил показать горе-шпионов. Сосед обещал при случае. Прошел день, потом еще, сосед и думать про это забыл. Потом вообще уехал. А Мечик потерял покой.

Вместе с ним в университете учились его сокурсники из Центра подготовки. Они внедрялись под легендой скандинава и фламандца. Правда, в университете были и другие французы и фламандцы. С кем говорили вербовщики? По инструкции, заметив тень подозрения, Мечик обязан был сообщить и отойти в сторону. Разбираться положено другим. Но это его товарищи. И подозрение такое призрачное...

Мечик решил справиться сам. Что стало первой ошибкой. Вторую он сделал, когда подкинул хитро написанную записку с предложением сотрудничества. Обоим подозреваемым. А потом получил ответ. От кого-то из них. С ним готовы были начать работать. За крупную сумму. Наличными. Которые надо отдать при первом контакте. Мечик еще мог доложить и не влипнуть окончательно. Но он решил идти до конца. Разум затмила обида, что один из своих оказался предателем.

Последнюю ошибку Мечик совершил, когда из камеры хранения на вокзале взял дипломат с наличными, которые предназначались для новой сети в Германии и Бенилюксе. Он знал, что у него потребуют показать деньги, но отдавать их не собирался. Он сумеет скрутить предателя. То, что бывший друг узнает его, Мечика не беспокоило. Новый плащ, берет, накладной нос, купленный в магазине театральных принадлежностей, большие очки и ночь — достаточная маскировка для проверки издалека. При ближнем контакте маскировка не нужна. Только быстрота реакции. Предатель должен попасть в свою же ловушку, раз выбрал место встречи за пятьдесят километров от Франкфурта в парке. Вместо того, чтобы распить по кружечке в пивном баре. Только пока в ловушке оказался Мечик.

Он решил ждать три минуты.

Впереди за мостом вспыхнули и поморгали фары. Контакт был на месте. Мечик взял дипломат с заднего сиденья и плотнее закрылся воротом плаща. Что в ливень вполне естественно.

Предстояло пройти через мостик. Метров двадцать он будет весь как на ладони. Можно пристрелить так просто, что любой справится. Реагировать на звук бесполезно, пуля летит быстрее. Огонь из ствола заметить невозможно, если не знать, откуда стреляют. Тот, кто ждал за мостом, мог отойти в любую сторону и достать беспомощную мишень.

Мечик старался идти медленней, чтобы разглядеть хоть что-то. Но ночь прятала слишком хорошо.

Подожва ткнулась в каменный мостик. Осталось пройти его.

Вспышка...

...Вспышка была такой яркой, как будто взорвалась вселенная. Он инстинктивно зажмурился, но свет пробился сквозь закрытые веки. Сильно ударило в грудь, откинуло, Мечик полетел кубарем вниз. Натренированные мышцы разжали пальцы, чтобы смягчить удар, дипломат выскользнул в темноту. Мечик приложился затылком и скатился в воду.

Волны сомкнулись над ним. Мечик задержал дыхание. Утонуть он не боялся, потому что плавал не хуже дельфина. Надо найти ориентир, где воздух, а где дно. В непроглядной темени это не так просто. Мечик замер, чтобы ощутить, куда тянет вода, перевернулся и в два гребка вынырнул на поверхность.

Никаких следов взрыва. И это был не взрыв. Ни гранаты, ни мины, ни фосфорного снаряда. На прохождении учебной огневой полосы Мечик выучил, как выглядят взрывы. Это что-то другое, ослепительное и тихое. Волны хлестали по лицу, намочшая одежда давила вниз. Мечик не замечал пустяков. Он не мог понять, что происходит на берегу.

Происходило странное. Раздалось два pistolетных выстрела, кто-то закричал от боли. Он увидел пробегающего Освальда, товарища, бывшего на подозрении. Освальд остановился и что-то сфотографировал фотоаппаратом с микропленкой. Долетел хриплый крик: «Это Мечик! Это он... Предатель! Помоги!»... Голос был Маркуса, другого товарища.

Он сделал сильный гребок, чтобы поскорее очутиться на берегу. Шум дождя прорезал вой полицейских сирен.

Над верхушками деревьев заплясали красные и синие всполохи мигалок. Кажется, собралась вся полиция земли Рейнланд-Пфальц.

Катастрофа случилась. Только сейчас Мечик понял, что произошло на самом деле. Ни доказать, ни оправдаться он не сможет. Клеймо предателя легло на него. Это навсегда. Его жизнь уничтожена и стерта. Он не может ни сдать полиции, ни пойти к своим, ни даже утонуть. Его вычеркнули из этой жизни. Оставалось начать новую. Или заставить себя умереть в Рейне. Течение быстрое, у берега глубоко. Тело не найдут. Мечик думал недолго. Он сделал выбор.

Его накрыла ледяная волна Рейна.

• 2 •

2016 год

18 апреля, понедельник

Южный Иран, провинция Хузестан

12.34 (GMT+3.30)

Жара обожгла. Ветер колот песком. Франсуа Шандор зажмурился и подтянул платок до переносицы. Он походил на жителя пустыни, как их представляют туристы: на голове арафатка, рубашка до пят, купленная в египетской лавке, на ногах кожаные сандалии. Шандор выглядел карикатурой и для местных иранцев, и для экспедиции. Ему было наплевать. За годы, проведенные на раскопках, он не смог привыкнуть к жаре. Жара угнетала его. А в таком фольклорном наряде ее можно было хоть как-то терпеть.

Дышать было тяжело. Намоченная бандана быстро высыхала. Проку от нее оказалось немного, но хоть песчинки не лезли в рот. Шандор ненавидел скрип на зубах. От песка, неизменно попадавшего в пищу, и без того безвкусная арабская еда становилась омерзительной.

Сидя на корточках, Шандор прижался к сомкнутым коленям и принялся неторопливо работать толстой щеткой.

За двадцать лет он объездил весь Ближний Восток. Археологией Шандор занимался с редкой самоотдачей. Вернувшись из очередной экспедиции в Париж, по которому он тосковал, мечтая о прохладе уличных кафе, уже через неделю он готов был мчаться в новую экспедицию. Месяц был самым долгим перерывом между поездками. Шандора охотно принимали в любую команду. У него была прочная репутация исполнительного трудяги, который звезд с неба не хватает, своей научной карьерой не занимается, зато чрезвычайно полезен для других. Он не требовал ставить его имя на археологических открытиях, отдавая славу коллегам, куда более жаждавшим ее. Шандор изредка публиковал статьи по узким, малозначимым вопросам, но это он делал только для того, чтобы не опуститься до статуса рабочего на раскопах.

Никто не интересовался причинами такой его научной скромности. А причина была проста. В археологии Шандор искал покой. Однажды пройдя через событие, потрясшее его, он предпочел иметь дело только с давно умершими. Было хорошо и покойно разгрести песок, вытаскивать и очищать черепки, прикреплять к ним номерки, классифицировать и складывать найденное в пластиковые контейнеры. Монотонный труд он не променял бы на всю славу мира.

Нынешняя экспедиция работала больше трех недель. Ученых, приехавших с враждебного и безбожного Запада, иранцы держали под мягким контролем. Рядом с лагерем расположилась палатка. В ней жили несколько крепких мужчин в камуфляже без знаков различия, но с кобурами на поясе. Мужчины с аккуратными черными бородами были похожи как родные братья. С археологами вели себя корректно. Лишь под вечер осматривали и фотографировали их находки.

Между учеными и надзирателями сложился негласный договор: европейцы не выходят за разрешение правительства Ирана, то есть не скрывают, не крадут и не пытаются нелегально вывезти находки, не пьют спиртное, а взамен получают относительную свободу. Договор соблюдался обеими сторонами. Иранцы посмеивались над нарядом Шандора, считая его чокнутым ученым, и стреляли только глазами на двух француженок, которые бесстыдно выставляли загорелые ножки. Археологи на вечерних посиделках обсуждали: состоят ли Мас и Ахан в корпусе «Страж Исламской революции» или в каком-нибудь другом страшном корпусе, воевали ли в Сирии с ИГИЛом и сколько людей убили. Шандор в разговорах участия не принимал и всегда держался в стороне.

Сегодня он занимался квадратом в отдалении от основного раскопа. Директор экспедиции, профессор Лаваль, зная странности Шандора, не возражал. Археолог с таким опытом имеет право выбирать.

Шандора и коллег разделяло метров сто песка. Основная группа работала вместе, Лаваль сидел за походным столиком, делая пометки в журнале экспедиции: ноутбуки на такой жаре не выдерживали. На Шандора никто не обращал внимания, позволяя ему делать что угодно в секторе, ограниченном натянутыми веревками.

Щетка смахнула слой песка, под которым показалось что-то плотное. Остатки песчаного намета Шандор размел ладонью. Открылся камень. В камне не было ничего необычного, если бы не гладкая обработанная поверхность, какая не встречается в природе. Поработав пальцами, Шандор расчистил в центре камня арабскую вязь, которую разобрал без труда: «haḡam». Запрет прикасаться. Любой мусульманин, увидев эту надпись, немедленно должен забросать предмет песком и забыть это место. Шандор не был мусульманином. У него вообще не было религии. Оглянувшись на далеких коллег, которым до него не было дела,